

Проснулся я, но начал не с того:
дал на себя проблемам навалиться,
а надо было — просто помолиться
и маме с папой подтвердить родство.
И больше, боже... больше ничего.

2000 г.

Это И X Книга

ВМЕСТО краткой АВТОБИОГРАФИИ

Я сообщаю, что родился 20 августа прошлого века в Москве лишь для того, чтобы с к а з а т ь о своих родителях.

Мои родители были... они были и есть. Просто мы общаемся сейчас иначе. Просто я здороваюсь с ними иначе, чем прежде. Я просыпаюсь, благодаря Кого Следует и — здороваюсь с моими родителями.

Моя мать, Евгения Яковлевна Вишневская, по своему чувству юмора, интеллекту, обаянию и женственности, интуиции и молодости — до последнего дня — была выдающейся женщиной, что признавали все. Ее остроумие было уникально. И это только одно из мощных ее дарований — можно было наследственно двинуться по линии любого из них. Уже незадолго ДО она рассказала мне, что, когда была на пятом месяце, очень много смеялась. Соблазнительно думать, что это предопределило мою скромно-нескромную возможность рассмешить и улыбнуть одновременно больше трех человек. И если люди обратили и обращают на меня благосклонное внимание, то это лишь потому, что я е е сын.

Мой отец, Петр Моисеевич Гехт, был высококлассным инженером, авиатором-ракетчиком, незримым бойцом оборонки. А в юности — парашютистом, альпинистом, >

> энтузиастом из одноименного марша. И когда на старости лет он полоскал горло, прилежно лечась, в этом звуке мне слышались пропеллеры ОСОАВИАХИМа. Папа был специалистом по расчетам на прочность, и слово «сопромат» у меня навсегда ассоциируется с ним. Говоря о нем, я и не пытаюсь избежать клише: был он просто порядочным, по-настоящему интеллигентным человеком и многого из-за этого не добился. Был он интеллигентом со всеми советскими вытекающими. Мама, возглавляя семью, жестко критиковала его, и расхожий до эстрадности упрек насчет неумения вбить гвоздь в стену, конечно, имел место в стенах нашей долгожданной «хрущобы». И от папы мне, возможно, достались лишь жизненно важные не у м е н и я. Неумение интриговать, неумение превентивно нахамить незнакомому человеку. Неумение не сказать «спасибо». Неумение не помнить добра. Это не великие добродетели, тем более что мне с ними проще, чем без них. Но речь по-прежнему не обо мне.

Мои родители: житие в коммуналке, выезды на юг «дикарем», детская поликлиника, и вкус рыбьего жира, и гусиное сало на лице в мороз; и свинка-ветрянка-краснуха, и коклюш, и впившийся в меня клещ с последующими прививками; и тщетные уроки музыки, и кружок вязания в пионерлагере, чтобы быть при сыне, и добыча дефицитов, и все, что можно, по благу, и «Вова не поступил с первого раза», и письма в армию в Ленинакан...

Сегодня мне представляется фантастикой, несбыточным прошлым то, что когда-то, давным-давно, еще два с половиной года назад*, я жил с родителями, при родителях... В эру Мама и Папы.

Мои родители: героика советского выживания, высочайший сопромат, инстинкт сохранения чада, урок Достоинства в условиях его ущемления...

Мои родители вложили в меня столько любви, натерпелись за меня такого страха, что я, едва начал э т о понимать, больше всего боялся своей жизненной неудачей свести на нет, оглупить две эти жизни, слившиеся в моей.

* 1998...

И если я успел, успел, кажется, порадовать своих родителей чем-то к р о м е того, что пережил их (что удавалось, увы, не всем сыновьям в России на исходе века), то я просто не имею права считать свою жизнь — при всех ее кудрявых составляющих — неудавшейся.

То, что «Удача жить в России и при этом быть на свободе (особливо летом)» — об этом я еще посмеюсь сквозь строфы — далее по тексту. А пока не побоюсь повториться прозой: Удача — родиться именно у своих родителей и успеть чем-то их порадовать.

И мы успели с к а з а т ь друг другу.

1998

Все, что я понаписал и не постеснялся обнародовать, тиражируемое, цитируемое и даже хвалимое, не стоит одной строки из новогодней открытки моей мамочки:

«Я полюбила тебя, сынок, с первого взгляда»

Ф а м и л и я

Моя отцовская фамилия Гехт, которую носил до 18 лет, в советском детстве всегда была для меня проблемой. Она была труднопроизносимой и плохо воспринималась на слух, вызывая раздражение. Где бы мне не приходилось подставляться, в любой регистратуре, я как правило огребал переспрос: «Как, как?...» и мне приходилось диктовать по буквам: «Г-Е-Х-Т!», а то и по именам «Григорий-Емельян-Харитон-Тимофей!».

Когда мне исполнилось 18 лет, отец разрешил взять фамилию мамы, с которой было тогда легче жить, печататься и пробиваться в СССР. Так на первом курсе института я стал Вишневым, но всё-таки я ГЕХТ. (Кстати в переводе с идиш «гехт» — это шука).

Папа родился на Украине в городе Изяслав, когда ему было 4 года, его отца Моисея убили петлюровцы. Фотография деда стояла у меня в кабинете, но при переезде мистическим образом исчезла. (Она, понятно, найдётся, когда эта книга выйдет в свет.)

Родители мамы Циля и Яков попали в Москву из Белоруссии. Полное имя бабушки было столь звучно Энта Цицлия Тевелевна. Про дедушку Яшу я знаю, что он работал приказчиком, в советское время служил на заводе по снабжению. Обладал талантом оказываться крайним и идти за всех, даже немного отсидел. Дедушка и бабушка по маме достались в полной мере моему брату Лёне, а я рос без них.

Месторождение — Покровские ворота

У нас на Покровке были наверняка самые колоритные городские сумасшедшие (и существуй тогда в Моссовете как прообразе мэрии департамент горсумасшедших, — наши Покровские ворота были бы представлены более чем достойно, если не ярче всех управ).

Отдельные персоны стали местными легендами — к примеру, один железнодорожник, уцелевший в ж/д катастрофе или просто травмированный на работе. Из дому он выходил и набирал ход, как маневренный паровоз, издавая гудки, свистя, имитирующе работая согнутыми в локтях руками... И было это задолго до фильма классика мирового кино Акиро Куросавы «Додескаден», где главным оказался подобный ему герой. А наш, отечественный, бороздивший Покровку, однажды, как рассказывала мама, даже забуксовал на трамвайных путях, реально перекрыв движение знаменитой «Аннушки»... И к нему опасались приближаться, когда, пыхтя и плюясь, он честно силился сдвинуться с места, с чем пришлось всем какое-то время считаться, с пониманием... ну буксует, застрял человек-паровоз!..

Исключительно пешком, т. е. также своим ходом, курсировал другой персонаж по кличке Чулок. Согласно опять >

› же преданию, вполне научного вида его портфель был полон женских чулок, — и стоило портфельеносителю завидеть красивую женщину, как, мгновенно впечатлившись, он забегал в ближайшее парадное и (тут могло быть пошловатое многоточие... глагола «*mustурбировать*» мы почти еще не знали, а пользовались более советским, заведомо осудительным словосочетанием «заниматься онанизмом»). Так что когда-то в нашем Лялином переулке или соседних обоих Казенных регулярно раздавалось это «Смотри, Чулок! Чулок пошел!..»

Но были — о да! — люди и «в наше время» — и мне лично посчастливилось стать современником наиболее яркой звезды в данной номинации по имени Митя. Это был хронически небритый (или принципиально не брившийся) мужчина, который бодро компенсировал природную субтильность подвижностью, а характерную дикцию — склонностью выступать публично. Что вполне билось с его АЖП*, как сказали бы сегодня. Обвешанный значками — от разрядника по лыжам до передовика производства и отличника боевой и политической подготовки — он наделил себя миссией регулировать уличное

* Активной жизненной позицией

движение в нашем Бауманском районе и был соответственно оснащен свистком и полосатым жезлом. Самым удивительным было то, что: а) ему то и дело удавалось останавливать машины и чуть ли не строить водителей; б) ОРУД* — ГАИшники — смотрели на это сквозь пальцы. (Кстати, что до УД, то Покровка (а тогда она звалась улица Чернышевского) во дни всенародных 7 ноября, 1 и 9 мая становилась пешеходной — и так адреналинно сладко ходилось-бегалось по мостовой!)

Однажды, запеленговав ироническое внимание к своей жизнедеятельности, Митя решительно подошел к нам с братом Леньей и заявил: «Нечего тут... Идите в свой район и там хулиганьте!»

А мы и были т у т в своем родном...

* ОРУД — Отдел регулирования уличного движения — в ту советскую пору, ну а уж ГАИ пока что вечно.

О, Покровские ворота, где:

в Лялином переулке, в доме №3 прошла первая «чертова дюжина» лет, а в квартире №6, коммуналке, на 3 этаже, в 1919 году родилась наша мама Женя, прямо в спальне (где, скорее всего, и я был зачат);

а в Лялином же, в минуте ходьбы от дома, была школа №328, в которой проучился я до 6-го класса...

...А еще во 2-м, мы с Петей Крюковым из параллельного «А» дебютировали в курении, прячась в школьном дворе за памятником Ленину (не забыть эти толстые пальцы... как и папиросы «Казбек» и самые дешевые куцые сигаретки «Южные» — а купить их нам удалось самим)...

...А 12 апреля 1961 года, когда голос Левитана уже возвестил... сообщив о полете Гагарина, нас отпустили с уроков, и мы куда-то бежали всем 1-м «Б», не ведая, понятно, что это оз-«начало новой эры»...

Вот откуда слыву я здешним,
припоздавший и не нашедший,
лишь одно упредив — эх ма! —
если б вовремя сумасшедшим,
я б не стал,
то сошел бы с ума...

Девочка Женя и Джонни В.

У моей мамы, когда она еще была девочкой Женей, сотворился кумир.

Один — и на всю жизнь.

Увидев однажды американский фильм «Тарзан», она безоглядно влюбилась в исполнителя главной роли Джонни Вайсмюллера, олимпийского чемпиона по плаванию. Вся Москва пыталась подражать призывному кличу Тарзана. А родители водили дочку пересматривать кино вновь и вновь, пока, наконец, папа Яша (так и не увиденный мной дед, как, впрочем, и бабушка Циля) не отвел ее на почту, где взял на руки и она лично опустила в почтовый ящик письмо: «Америка, Джонни Вайсмюллеру»...

Не буду цитировать классический чеховский рассказ — в мою советско-школьную эру им порожденный мем применяли не реже, чем это: «Ну расскажи, как дошел до жизни такой...»

Году в 1984-м в болгарском журнале «Параллели», который был для меня тогда окном в мир, я увидел последнее фото Вайсмюллера, сделанное в больнице американского Акапулько. Sic transit... умолкаю, стоп, трюизм.

Стишок 2003 года вспомнился...

Век XXI-й, новый наш учитель,
он учит говорить нас — как в кино.
И скажет мне о жизни долгожитель:
«Пойми, я в этом бизнесе давно...»

Старое кино...

...Идет и проходит в ночи по ТВ один из вечных для меня фильмов «Сердца четырех», и я, конечно, вспоминаю маму мою, Женю Вишневу, — это черно-белое кино и ее младость... О, вся эта романтика эры «Рио-Риты» на танцах в офицерском клубе... где, кстати, ее старший брат Александр, бравый авиатор, предпочитал появляться гарантированно «не один», а с хорошенькой сестрой...

А она в 19 лет познакомилась на офицерских сборах с первым мужем Николаем Пуховым, военврачом, погибшим в 44-м, сама же с эвакуации, в Дёме, с двухлетним первенцем, работала медсестрой в госпитале... И она же, известно мне, гоняла по Москве послевоенной на трофейном мотоцикле «Цундап»...

Но это фильм 41-го, эта до/предвоенная жизнь как из сказки: игрушечная станция Березки, электричечка в ночи, дачная веранда в лесу, лодки для влюбленных на пруду... О эти Целиковская-Серова-Самойлов-Шпрингфельд-Бирман... Мамаа!.. Ну ладно, чтоб смахнуть все, что навернулось, как скупую/м-жскую — стишок 2001 года — на мотив знаменитой песни из к/ф.

Любовь и сейчас от себя не отпустит,
как пели в том веке свой текст соловьи.
«Любовь никогда не бывает без грусти»...
Но лучше уж так, чем грусть без любви.

(...А вообще, вы правы: так нельзя.
Поезд предназначен к отправлению.
И не всё ж насмарку... И слеза
неуместна по определению).

И была у мамы любовь...

История не столь романтическая, сколь драматическая, в духе тех предвоенных лет сталинской России.

Они учились уже в 10 классе. Его звали Властимил Райхл. Он был из чешской семьи, работавшей в Москве. Но мамин старший брат Александр забил тревогу: «Ты хочешь, чтобы меня выгнали из Военно-воздушной академии?!» И мама дрогнула, вняла и подчинилась...

«Женя, ну почему? Почему?!» — пытался достучаться до неё Властимил. А она замкнулась... И все кончилось. Потом он вернулся на родину, а после была война. Он стал военным и героем войны.

В 60-е стало известно, что военного атташе посольства Чехословакии зовут Властимил Райхл. Генерал.

Однажды мама проходила мимо дома дип. корпуса, в районе Рижского вокзала (в этом доме тогда был магазин «Спорттовары»), и она остановилась, чтобы пропустить иномарку въезжавшую во двор, и успела понять, кто за рулём.

И Он узнал её. И остановился через 10 метров, и ждал не оборачиваясь. Но мама не подошла.

Через пару минут Он тронулся с места и скрылся в недрах двора.

И это ещё одна история, которую мама успела мне рассказать.

...Сколько же лет — ужаснись — пронеслось.

Все-то мы слушали Баха поврозь —

Не при свечах — обесСвеченно.

Видишь, и жизнь мне отдать пришлось

Совсем за другую женщину.